

Научная статья
УДК 327.51
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/122-132>

Археологические объекты в этнокультурных ландшафтах Дальнего Востока России

Юрий Викторович Латушко
Институт истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, latushko@mail.ru
Анна Ильинична Панкина
Институт истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, pankina1995b@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается важный элемент этнокультурных проекций коренных народов Дальнего Востока – интроекция объектов археологического наследия как части этнокультурного ландшафта той или иной территории. Данный процесс тесно связан с вопросом о трактовке этническими общинами права на культурное наследие и подразумевает наличие конструктивного диалога между представителями власти, научного сообщества и коренного населения. В результате анкетирования жителей национальных поселков пяти дальневосточных субъектов Российской Федерации удалось выявить особенности восприятия археологических объектов культурного наследия и очертить круг проблем, требующих дальнейшего решения.

Ключевые слова: этноархеология, этнокультурный ландшафт, этнокультурные проекции, коренные народы, Дальний Восток

Авторы выражают большую признательность к. и. н. А.П. Самару (ИИАЭ ДВО РАН) и директору Школы им. Акима Самара А.С. Койгеровой за помощь в организации проведения анкетирования

Для цитирования: Латушко Ю. В., Панкина А. И. Археологические объекты в этнокультурных ландшафтах Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 122–132. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/122-132>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/122-132>

Archaeological objects in the ethnocultural landscapes of the Russian Far East

Yuri V. Latushko
The Institute of History, Archeology, Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, latushko@ihaefe.ru
Anna I. Pankina
Institute of History, Archeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, pankina1995b@mail.ru

Abstract: The article examines an important element of the ethnocultural projections of the indigenous peoples of the Far East – the introjection of objects of archaeological heritage as part of the ethnocultural landscape of a particular territory. This process is closely related to the issue of how ethnic communities interpret the right to cultural heritage and implies the existence of a constructive dialogue between representatives of the authorities, the scientific community, and the indigenous population. As a result of a survey of residents of ethnic settlement in five Far Eastern regions of the Russian Federation, it was possible to identify the peculiarities of perception of archaeological objects of cultural heritage and outline a range of problems requiring further solutions.

The authors express great gratitude to candidate of historical sciences A.P. Samar (IIAE FEB RAS) and the director of the school named after Akim Samar A.S. Koigerova for assistance in organizing the survey

Key words: ethnoarchaeology, ethnocultural landscape, ethnocultural projections, indigenous peoples, the Far East
For citation: Latushko Yu. V., Pankina A. I. Archaeological objects in the ethnocultural landscapes of the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 122–132. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/122-132>

В исследованиях российских этнологов, посвященных коренным народам, большое внимание уделяется анализу механизма моделирования исторического и мифологического восприятия сакральных ландшафтов посредством знаково-символического контекста культуры, выраженного в понятии этнокультурной проекции. Осмысление природного ландшафта средствами этнокультурных проекций создаёт поле культурной коммуникации. Комплексы таких представлений образуют своего рода проективные матрицы, сравнимая которые мы можем понимать общее и особенное в большом культурном ареале, взаимосвязь человек-природа, механизмы и структуры исторической памяти и этнической идентичности [7].

В окрестностях современных поселений тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) на территории амуро-сахалинского региона расположены природные и рукотворные объекты, генезис которых связан с двумя основными ментальными вариантами. Один – с образами сверхъестественных существ, с мифическими предками, основателями конкретных родовых подразделений. Другой – с **потенциально реальными предками**, которые проживали на этом месте еще в каменном веке и оставили о себе память в виде разнообразных петроглифов [3, с. 24].

Ввиду того, что все объекты: природы и созданные человеком артефакты, существующие ныне и существовавшие в прошлом, – входят в одну и ту же матрицу, исследование отдельных ее компонентов позволяет выявлять ценностную иерархию и описывать мировоззрение местного населения. Как пример, петроглифы на реке Хор некоторыми специалистами по искусству, отождествляются с современным искусством нанайцев, ульчей и других народов амуро-сахалинского региона. Сами хорские удэгейцы не просто считают, а настаивают на том, что они произошли от неолитического населения рек Хор и Сукпай, представители которого оставили эти рисунки на скалах около 2000 лет назад. Более того, выявляется даже родовая принадлежность этого священного этнокультурного памятника древности. По мнению местных удэгейцев, петроглифы могут быть связаны с современным удэгейским родовым подразделением Кимонко [27. р. 121]. Но не только петроглифы являются частью этнокультурного ландшафта коренных народов Дальнего Востока России. Многочисленные археологические артефакты, стоянки и местонахождения на территории этнических общин также имеют под собой как реальную, так и чаще всего проекционную (интериоризированную) связь с современными этнокультурами и социальными процессами на их территории.

В настоящей статье мы бы хотели обсудить проблему обратного влияния археологических объектов и проводимых мер по их изучению и сохранению на культуры коренного населения. Как было сказано, археологические объекты, расположенные на территории проживания коренных народов, являются неотъемлемой частью этнокультурного ландшафта. Под термином "этнокультурный ландшафт" понимается ареал проживания конкретного народа, с учетом всех особенностей рельефа, состава биологического разнообразия, а также существующих культурных реалий и исторических особенностей формирования культурного наследия на данной территории, то есть учитывается вся совокупность элементов материального и нематериального наследия, принадлежащего всем этносам, оставившим след в культуре данного региона [11, с. 108].

Если для профессионального археолога археологические объекты, полученные в результате подъемных сборов или раскопок стратифицированных памятников, являются частью определенного культурно-хронологического периода, то для представителей коренного населения такие объекты после их обнаружения становятся частью собственной культуры. Известны случаи вторичного использования археологических артефактов, включение их в хозяйственную и культурную практику, мифологические сюжеты. Особенности формирования и протекания этих процессов обычно слабо освещаются в археологических работах в виду смещенного фокуса исследователя на "объективное изучение" артефактов.

Стоит отметить, что археологическое исследование памятника в большинстве случаев подразумевает полное или частичное его разрушение (проведение раскопок), а также ряд мер по сохранению полученных материалов, в том числе хранение артефактов в специализированных местах, находящихся нередко за пределами исследуемого региона. Подобные меры, диктуемые необходимостью современного научного подхода к исследуемым артефактам, могут приводить к непредвиденным изменениям в местной культуре и конфликтным ситуациям между представителями научного сообщества и коренного населения.

Право коренных народов на культурное наследие. Вопрос взаимодействия научных сообществ и общин коренных народов в мировой практике решается разными путями в зависимости от сложившихся подходов и конкретных условий. Для стран Северной и Южной Америки, Африки, Вели-

кобритании, Австралии и Новой Зеландии, в рамках заявляемого постколониального дискурса, проблема прав на культурное наследие является одной из ключевых наряду с вопросами о правах аборигенов на землю, природные ресурсы и полезные ископаемые.

Решение конфликтных ситуаций между представителями общин коренных народов и научного сообщества на Западе в последние десятилетия выстраиваются на платформе "новой этики" в археологии. Она была закреплена на Всемирном археологическом конгрессе в Южной Дакоте в 1989 г. в Вермилленском соглашении о костных остатках. Данное соглашение в пунктах 5 и 6 провозглашает признание интересов различных этнических групп и необходимости переговоров на основе взаимного уважения интересов общин в отношении надлежащего захоронения их предков и законных интересов науки и образования [30].

На практике идеи соглашения реализуются по-разному в законодательных актах США и Канады, согласно которым коренные жители имеют право на участие в управлении "культурными ресурсами" в довольно широком диапазоне: от простой консультации до обязательного письменного согласия на раскопки от руководящего органа общины. Это обусловлено разными правовыми статусами общин коренных народов и тех земель, на которых они проживают. На практике это порождает большое количество судебных разбирательств и конфликтов, а также негативное отношение к "академическим археологам" [21, с. 31–32; 28; 29; 31, р. 303–304].

Для Европы, стран бывшего СССР, Южной и Восточной Азии характерен поиск легитимации прав на территорию в глубине истории. Археология здесь пользуется большим авторитетом со стороны правительства и местного населения, однако нередко перед исследователями ставятся задачи удовлетворения политических интересов коренных народов, прежде всего титульных [24, с. 104; 22, с. 52].

Особенностью российской науки, как археологии, так и этнографии, с самого начала являлся комплексный подход, отразившийся в задачах и деятельности научных экспедиций в Сибири и на Дальнем Востоке, работавших сразу по нескольким направлениям (естественно-научному, этнографо-историческому и др.) [12, с. 12]. Формат экспедиций подразумевал тесное общение с представителями коренных народов в качестве проводников и информантов, известны случаи привлечения местных жителей к проведению раскопок [14, с. 75; 8, с. 27]. В различных отчетах и статьях, публиковавшихся по итогам экспедиций, содержится ценная информация как об археологических объектах, так и об отношении к ним коренного населения. В большинстве случаев упоминается сакральный характер таких предметов, получивших вторичное использование и вошедших в ритуальные комплексы. Например, у салымских остяков (хантов) бляшки эпохи раннего железного века служили *тонхамми* – фигурами хозяина места [26, с. 195]. Археологические артефакты также попадали в мифологические сюжеты и легенды, нередко им приписывались целебные свойства, иногда отношение к ним было настороженным или резко негативным [10, с. 17; 2, с. 6–8].

В современной отечественной науке сбор информации об археологических объектах у представителей коренных народов является распространенной практикой в рамках археологических разведок [4, с. 10]. Однако полученная информация попадает в публикации выборочно, особенно часто игнорируются интерпретации таких объектов со стороны коренного населения, поскольку разного рода "легенды" не представляют интереса для собственно археологических исследований [9, с. 170]. В отдельных регионах, где имеется богатый культурный слой, изучаются и вводятся в научный оборот артефакты, попавшие в этнографические коллекции, вместе с их интерпретацией [2]. А также обсуждаются вопросы этногенеза коренного населения и наличия/отсутствия преемственности в археологическом и этнографическом материалах [5]. Но число таких работ оставляет желать большего.

Конечно, в дискуссиях специалистов часто справедливо указывается на тот факт, что любого рода "кодексы" задают лишь формальные рамки. Взаимодействие ученых и местных жителей в каждом конкретном случае зависит и от личных качеств исследователя, цели его работы и социально-политической обстановки в регионе. Например, известен случай конфликта вокруг так

называемой "Алтайской принцессы"¹, дошедший до серии судебных разбирательств, что демонстрирует отсутствие процедур согласования интересов и правил диалога научного сообщества и коренного населения [21, с. 38]. А следовательно, наличие формализованных правил все-таки крайне желательно.

Анкетирование представителей коренных народов Дальнего Востока России об отношении к объектам археологии на территории их проживания. Одним из возможных условий как археологического, так и этнографического исследования может стать процедура опроса коренного населения на старте археологических работ либо как самостоятельная этнологическая задача для выявления ценностной иерархии и места таких объектов в современных этнокультурах. Очевидно, что индивидуальный опыт, локальная обстановка, организация образования и просвещения на территории, средства коммуникации и включенность в информационный поток, в котором пребывают этнические общины, сильно влияет и на картину мира, и на ценностное отношение к археологическому наследию. Нами была предпринята попытка небольшого качественного исследования в данной области. Были опрошены респонденты из населенных пунктов, расположенных в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Важным условием выбора места являлось наличие объектов археологического наследия в непосредственной близости от поселения; наличие подъемного материала; археологических и этнографических выставок в местных музеях. Села Кондон и Омми (Солнечный и Амурский районы Хабаровского края, соответственно), наиболее полно соответствуют вышеперечисленным критериям. Помимо них для сравнения и более объемной картины были опрошены жители ряда национальных поселков Камчатского края, Сахалинской и Магаданской областей.

Село Кондон располагается на правом низком берегу р. Девятка, которая берет начало в оз. Эворон и впадает в р. Горин, приток Амура. Противоположный берег высокий, покрыт тайгой, напротив села располагается скалистая сопка *Кайласон* – спящий дракон, которая является примером сакрального ландшафта тунгусо-маньчжуров и символом села [11, с. 110]. Археологические материалы данной территории представлены многочисленными подъемными сборами на протяжении всего XX века, лишь небольшая часть которых попала в руки исследователей. Самыми знаменитыми являются коллекции каменных изделий и фрагментов керамики, собранные этнографом Е.Р. Шнайдером в 1927 году (передана в отдел археологии Эрмитажа) и школьным учителем Н.П. Шабуровым (передана в начале 1960-х годов А.П. Окладникову). Археологические работы, включая разведки и раскопки, проводились на территории села Кондон и окружающих территориях: в 1960 году под руководством Ю.А. Мочанова, в результате была обнаружена стоянка с каменным инвентарем; в 1962–1963, 1971–1972 гг. дальневосточной археологической экспедицией под руководством А.П. Окладникова изучены эталонные памятники Сарголь и Кондон-Почта, а в 1990 г. на р. Девятка в результате совместных исследований сотрудников ИИАЭ ДВО РАН и Дальневосточного центра палеоэкологии обнаружено более 30 местонахождений [17, с. 3; 6, с. 37; 23, с. 56–58].

Мировую известность среди археологических находок получила антропоморфная женская скульптура, названная "Кондонской Нефертити". Массовым же материалом являются фрагменты керамических сосудов, пряслица, каменный инвентарь, включая овалы в сечении шлифованные или оформленные ретушью тесла, ножевидные пластины, наконечники даурского типа, призматические нуклеусы, галечные грузила с желобом или отверстием на одном конце. Помимо неолитических материалов, на р. Девятка были обнаружены следы культур эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [17, с. 75–77; 13, с. 61].

Важно отметить, что сборы подъемного материала на придомовых участках жителей села Кондон продолжаются и по сей день, часто после больших

¹ Принцесса Укока (Алтайская принцесса) – данное журналистами и жителями Республики Алтай название мумии молодой женщины возрастом примерно 28–30 лет, найденной в ходе археологических раскопок на могильнике Ак-Алаха урочища Укок в 1993 году. Местное население отождествило ее с одной из важных героинь алтайского эпоса.

Фото 1. Подъемные сборы жителя с. Кондон. 2019 г.
 Photo 1. Surface finds a resident of the village of Condon. 2019.
 Источник: фото Ю.В. Латушко.
 Source: photo by Yu. V. Latushko.

паводков и подтопления части территории села. Например, во время экспедиции Амурского этнологического отряда ИИАЭ ДВО РАН в 2019 г. сотрудникам лаборатории Северной Пасифики жителем села Кондон была показана коллекция артефактов, собранных на собственном участке. Предметы представлены шлифованными и ретушированными теслами, имеются нуклеус, грузило, а также крупный камень с просверленным углублением (*фото 1*).

Важной особенностью села Кондон являются проводимые здесь меры по сохранению родной этнической культуры и обучение азам научного исследования местных школьников. Ведущим культурно-просветительским центром является средняя школа им. Акима Самара и этнографический музей, расположенный в здании школы. В экспозиции музея представлены предметы этнографических и археологических коллекций: неолитические каменные орудия и фрагменты керамики, традиционная нанайская одежда, изделия из кожи и меха, орудия труда, берестяная посуда, металлические и каменные украшения (ПМА. Кондон, 2019)² [1, с. 3].

Нанайское село Омми в археологическом плане изучено слабее. В 1935 г. А.П. Окладниковым было обнаружено два поселения: Омми-1 и Омми-2, датируемые эпохой неолита и ранним железным веком. В 1991 г. здесь была проведена экспедиция под руководством П. В. Кондратьева на памятнике Андрюшкин бугор. Местонахождение указано в реестре археологических памятников Хабаровского края, представляет собой грунтовый могильник, датируемый периодом от I тыс. до н. э. до XIX в. н. э. Научной публикации, подробно рассказывающей о проведенных здесь раскопках, издано не было. Однако, по свидетельствам местных жителей и краеведов, на территории села и в округе встречаются многочисленные подъемные материалы от эпохи камня до средневековья. Часть обнаруженных археологических материалов (каменный инвентарь и фрагменты керамики эпохи неолита) находится в экспозиции местного музея, расположенного в здании школы с. Омми [26; 15].

² ПМА – полевые материалы автора (Ю.В. Латушко)

Территории Камчатского края, Сахалинской и Магаданской областей богаты археологическими и этнографическими материалами, в хронологическом диапазоне от эпохи неолита до современности (ушкорская, тарынская, охотская, древнеиттельменская, древнекорякская культуры и др.) [18; 25]. В Магадане, Петропавловске-Камчатском и Южно-Сахалинске имеются официально поставленные на государственный учет археологические памятники [19; 20], однако археологические экспедиции в отдаленных районах на территории данных городских округов, не говоря уже о дальних муниципальных районах, проводятся нечасто в силу финансовой затратности, труднодоступности и удаленности от крупных исследовательских центров. Полученные здесь материалы, особенно редкие индивидуальные находки, чаще всего вывозятся в музеи и научные учреждения столиц субъектов или в аналогичные столичные организации страны. Археологические же коллекции краеведческих музеев в небольших поселениях составлены в основном из подъемных материалов и случайных сборов. Бывает и так, что экспозиции таких музеев лишены какого-либо археологического материала, но могут иметь ценный этнографический материал (рис. 1).

В нашем опросе среди коренного населения приняли участие 37 человек. Хабаровский край: Кондон (15), Омми (1); Камчатский край: Сосновка (2), Малки (1), Петропавловск-Камчатский (3), Мильково (1), Анавай (1), Оссора (1), Тымлат (2); Магаданская область: Магадан (3), Эвенск (1); Сахалинская область: Поронайск (5), Южно-Сахалинск (1). В возрасте от 15 до 75 лет, с преобладанием групп от 15 до 24 лет и 46-55 лет. Большая часть респондентов представлена коренными малочисленными народами Дальнего Востока (нанайцы, нивхи, уйльта, ительмены, камчадалы, коряки, эвенки, эвены (ламути)), а также метисами с идентичностью русский, болгарин, но имеющие в родне аборигенное население Дальнего Востока. Лишь несколько человек не пожелали указать своей этнической принадлежности.

Предлагаемая для ответов анкета состояла из четырех тематических частей. **Первая группа** вопросов направлена на выявление *владения респондентами общими сведениями об археологических памятниках и артефактах на территории их проживания*, что из себя представляют эти артефакты и где была получена информация о них. За исключением двух человек (из Магадана и Оссоры на Камчатке), все опрошенные ответили, что знают о наличии археологических памятников и видели археологические находки в своем районе. Среди артефактов наиболее часто встречали каменные (63,9%) и костяные орудия (55,6%), украшения (бусины и подвески) (52,8%), черепки сосудов (41,7%)³. В одном случае были дополнительно указаны находки иконок и крестов. В качестве основного места получения информации об артефактах указан местный музей (64,9%), в некоторых случаях упоминаются публикации в СМИ и научные издания (21,6 %). Важно отметить, что больше половины респондентов указали, что они обнаруживали подобные артефакты, как подъемный материал, самостоятельно или видели схожие находки у своих знакомых (27% и 40,5% соответственно).

Вторая группа вопросов касалась *соотнесения археологических объектов на территории с собственной этнической культурой*. Все респонденты ответили на этот вопрос положительно, указав на прямую историческую связь археологических объектов с их этнической культурой, за исключением двух человек (Магадан и Оссора). В целом такая картина подтверждает тезис об объектах археологического наследия как части этнокультурной проекционной матрицы. Тем не менее основными признаками связи археологических предметов с собственной культурой отмечались сходство используемых материалов (камень/кость/металл/материал растительного происхождения) – 65,7% и визуальная общность узоров, орнаментов и рисунков – 60%. Значительно реже упоминалось сходство геометрической формы изделия (37,1%) и функционального назначения предмета (11,4%).

Третья группа вопросов касалась *тех археологических объектов, с которыми у респондента есть наибольшая эмоциональная связь и/или про которые он мог рассказать легенду/предание, бытующую на данной территории*.

³ Ответы суммарно составляют более 100%, поскольку в анкете были возможны несколько вариантов на выбор (здесь и далее).

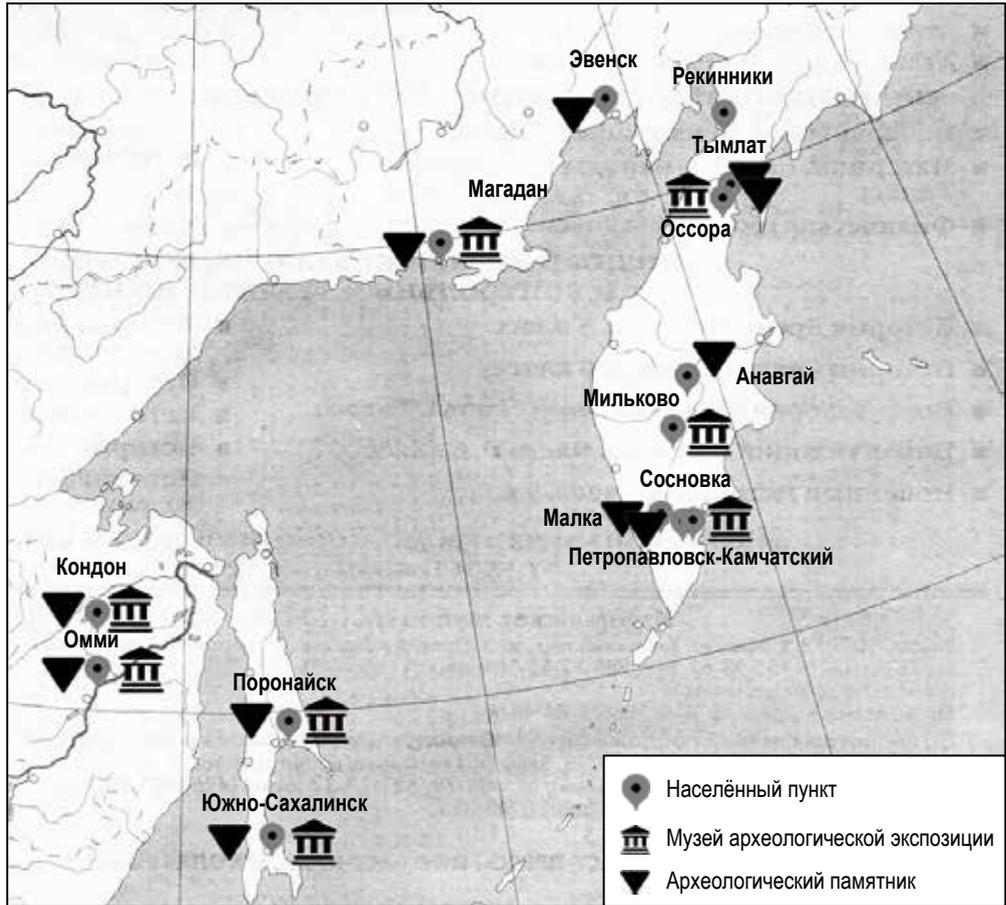

Рис. 1. Населенные пункты и археологические памятники. Хабаровский край: с. Кондон, *Сарголь* и *Кондон-Почта*, с. Омми, *Омми-1*, *Омми-2*, *Андрюшкин бугор*; Магаданская область: г. Магадан, *Уптар*, *Каменный венец*, *Светлая* и *Ольская*, пгт. Эвенск, *Наяхан*; Камчатский край: Петропавловск-Камчатский, *Авача-1*, *Авача-7*, *Авача-9*, *Оссора*, *Оссора* и *Оссора-4*, *Сосновка*, *Малки*, *раскопки на оз. Карагинский*, *Мильково*, *Анавай*, *Анавай-поле* и *Анавай-2*, *Тымлат*, *Тымлат*; Сахалинская область: Южно-Сахалинск, *Олимпия-4*, *Олимпия-5*, *Поронайск*, *Поселение Бердянское*, *Река Кенга*.

Fig. 1. Places of residence and archaeological sites. Khabarovsk Territory: the village of Condon, *Sargol* and *Condon-Pochta*, the village of Ommi, *Ommi-1*, *Ommi-2*, *Andryushkin bogor*; Magadan Oblast: Magadan, *Uptar*, *Kamenny vnez*, *Svetlaya* and *Olskaya*, village Evensk, *Nayakhan*; Kamchatka Territory: Petropavlovsk-Kamchatsky, *Avacha-1*, *Avacha-7*, *Avacha-9*, *Ossora*, *Ossora* and *Ossora-4*, *Sosnovka*, *Malki*, *excavations on the lake Karaginsky*, *Milkovo*, *Anavgai*, *Anavgai-pole* and *Anavgai-2*, *Tymlat*, *Tymlat*; Sakhalin Oblast: Yuzhno-Sakhalinsk, *Olympia-4*, *Olympia-5*, *Poronaysk*, *Berdiansk settlement*, *Kanga River*.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Среди артефактов в анкетах из Кондона наибольшее количество раз (7) упоминалась неолитическая антропоморфная скульптура "Кондонской Венеры" (фото 3), единожды упоминались нефритовый браслет, нефритовая блесна, нуклеус, топоры и халаты из рыбьей кожи. Среди легенд были названы топонимические предания о птице Кори, о спящем драконе и об основании села. При этом часть реальных археологических объектов была вплетена в рассказ. Важно отметить, что топонимические легенды приводили в основном представители старшего поколения; большая часть указанных легенд все же не имеет прямой связи с археологическим материалом. Скорее часть респондентов логически связывала в ходе опроса свои знания по местной археологии с глубоко укорененной мифологией места [11, с. 110–112].

В анкетах из других районов упоминались следующие артефакты и находки: бивни мамонта (Мильково, Камчатский край), церковные книги (Малки, Камчатский край), мамонтенок Дима (Магадан). Среди топонимических легенд указан сюжет об озере Невском (Поронайск), о красавице, играющей на бубне на святом острове (Тымлат), о кресте, выложенном по дороге на Березовый (Магадан).

Четвертая группа вопросов направлена на выявление отношения местных жителей к проведению археологических исследований на своей малой родине. Отрицательные ответы дали два человека (Малки и Кондон), объяснив свою позицию возможным вредом от раскопок местной природе или неудобством для местного населения. Пять человек заняли нейтральную позицию, – "в зависимости от условий организации и проведения археологических работ". Один респондент объяснил своё равнодушие непониманием смысла и необходимости проведения археологических раскопок. Остальные ответы были положительными. Среди объяснений своей позиции респонденты чаще всего называли тезис о необходимости изучения прошлого своего народа для его существования в настоящем и будущем. Приведем такое высказывание участника опроса: "Достоинство предков – это наследие потомков". Еще одна позиция признает археологические раскопки достоверным способом познания прошлого. Некоторые респонденты указывали, что если бы такие работы проводились на их территории в настоящий момент или же планировались в ближайшем будущем, то они бы желали принимать в них активное участие. Заметная доля ответов подчеркивала важность проведения только официальных раскопок с соответствующими разрешениями и профессиональными учеными. При этом лишь двое респондентов отметили необходимость предварительной консультации самих археологов с представителями местной общины, без учета мнения которой работы вестись не должны.

Некоторые выводы. Мы полагаем, что археологические работы в районах исторического проживания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов России должны проводиться в тесном контакте с представителями общин как по этическим, так и по юридическим причинам, поскольку гарантии культурных прав и сохранения традиционного образа жизни коренным народам провозглашены в законодательстве России. Вопрос этот важен еще и с точки зрения эффективности самой научной процедуры исследования этнокультурных ландшафтов и проекций, и средствами археологии и средствами этнологии.

Анкетирование показало большую вовлеченность коренных жителей в прошлое своего района. Значительная работа по распространению таких знаний у населения лежит на плечах местных краеведческих музеев, которые при этом зачастую не располагают собственным зданием и имеют очень

Фото 2. "Кондонская Нефертити" или "Амурская Венера". Антропоморфная скульптура. Кондон.

Photo 2. "Condon Nefertiti" or "Amur Venus". Anthropomorphic sculpture. Condon.

Источник: Музей истории и культуры Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Source: Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East.

ограниченные разрозненные коллекции и слабое методическое сопровождение. Большинство опрошенных связывает археологические объекты на их территории с собственной этнической культурой, в частности отмечается общность материалов, из которых изготовлены эти предметы. Отношение к археологическим раскопкам в целом положительное, большая часть респондентов объясняет свою позицию тем, что археологические исследования позволяют изучить прошлое своего региона и собственную культуру. Однако присутствует и полное непонимание деятельности археологов-исследователей и как следствие этого нейтральное или отрицательное отношение к проводимым исследованиям. Также важно отметить, что в достаточно большом объеме происходит самостоятельный сбор археологического материала, который оседает в частных коллекциях. Сказанное выше требует соответствующей работы со стороны местных властей, работников науки и образования, их большей интеграции и коммуникации с местным населением в целях решения общей задачи – исследования, сохранения и развития культуры коренных народов.

Литература

1. Ахметова А.В., Дементьева В.В. Музей и школа национального села Кондон как этнокультурные ресурсы Хабаровского края // Научно-методический электронный журнал "Концепт", 2016. Т. 11. С. 1526–1530. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86327.htm>. (дата обращения: 15.10.23)
2. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2011. 260 с.
3. Березницкий С.В. Сакральные ландшафты и этнокультурные проекции коренных народов амуро-сахалинского региона // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3 (58). С. 24–29.
4. Бунин Д.С. Археология. Методы археологического исследования. Классическая археология: учеб. пособие; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016. 96 с.
5. Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии: (сборник научных статей). Новосибирск, 1984. С. 62–80.
6. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.
7. Звиденная О.О., Латушко Ю.В. Этнокультурный ландшафт р. Бикин – от времени В.К. Арсеньева до наших дней // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. № 40. С. 31–44.
8. Зуев В.Ф. Село Кондон – земля легенд и сказаний. Комсомольск-на-Амуре: Агора, 2016. 390 с.
9. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск, 2008. 424 с.
10. История и культура удэгейцев /Л.Я. Иващенко, В.В. Подмаскин, А.Ф. Старцев и др.; АН СССР, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1989. 186 с.
11. Латушко Ю.В., Самар А.П., Белая Е.Г., Левченко А.В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 106–121.
12. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века / Авторы-составители: О.А. Александровская, В.А. Широкова, О.С. Романова, Н.А. Озерова, М.: Издательство "РТСофт", 2011. 271 с.
13. Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Приамурья (орнаментальный аспект). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. 168 с.
14. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М.: Наука, 2001. 155 с.
15. Наш музей // МБОУ ООШ с. Омми. URL: <https://ommis.edusite.ru/p8aa1.html> (дата обращения: 16.10.2023).
16. Общий список вновь выявленных памятников археологии Хабаровского края. URL: <https://textarchive.ru/c-2693114.html> (дата обращения: 16.10.2023).
17. Окладников А. П. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск: Наука. 1983. 159 с.
18. Понкратова И.Ю. Каменный век полуострова Камчатка: Дисс. ... д-р. ист. наук. Спец. 5.6.3. Магадан, 2022. Т.1. 243 с.
19. Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Магаданской области. URL: https://www.49gov.ru/common/upload/1/editor/file/PERECHEN_VYVALENNYKH09.12.2021.pdf?ysclid=lnsf3xqb6549290846 (дата обращения: 16.10.2023).

20. Перечень выявленных объектов археологического наследия, расположенных на территории Сахалинской области. URL: https://okn.sakhalin.gov.ru/site_get_file/4759/ (дата обращения: 16.10.2023).
21. Плец Г., Соёнов В.И., Константинов Н.А., Робинсон Э. Международное значение "Укокской принцессы" (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами? // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7 (19). С. 17–45.
22. Самашев З., Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сунгатай С. "Berel-Берел. Альбом". Алматы, 2000. 50 с.
23. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 156 с.
24. Шнирельман В.А. Археология, историческое наследие и проблемы этики // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 97–122.
25. Шубина О.А. Археология в Сахалинском областном краеведческом музее: страницы истории (к 125-летию музейного дела в Сахалинской области) // Вестник Сахалинского музея. 2022. № 3(40). С. 192–230.
26. Шульц Л. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Зап. Тюменского об-ва науч. изучения местного края. Тюмень: Гостинография. 1924. Вып. 1. С. 166–200.
27. Berezniitsky S.V. Forest problems in today's culture of the Khor Udeghe // Russia County Report. IGES Forest Conservation Project / Japan, Yokohama: Published by Institute for Global Environmental Strategies / ed. By. H. Kakizawa. January 2004. P. 121.
28. Historic resources act. RSY. 2002. P. 109. URL: <https://laws.yukon.ca/cms/images/LEGISLATION/PRINCIPAL/2002/2002-0109/2002-0109.pdf> (дата обращения: 16.10.2023).
29. Native American Graves Protection and Repatriation Act. URL: [translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.41ab44be-64e3e9bd-e903638d-74722d776562/https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg3048.pdf](https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg3048.pdf) (дата обращения: 16.10.2023).
30. The Vermillion Accord on Human Remains // World Archaeological Congress. URL: <https://worldarch.org/code-of-ethics/> (дата обращения: 16.10.2023).
31. Zimmerman L.J. Epilogue: A New and Different Archaeology? // American Indian Quarterly. 1996. No. 20. P. 297–307.

References

1. Akhmetova A.V., Dementieva V.V. Museum and school of the national village of Condon as ethnocultural resources of the Khabarovsk Territory // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. Vol. 11. P. 1526–1530. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86327.htm> (accessed 10/15.23) (In Russ.).
2. Baulo A.V. Ancient bronze from ethnographic complexes and random collections. No.vosibirsk: Publishing House of IAIE SB RAS, 2011. 260 p. (In Russ.).
3. Berezniitskiy S.V. Sacred landscapes and ethnocultural projections of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region // Ojkumena. Regional researches. 2021. No. 3 (58). P. 24–29. (In Russ.).
4. Bunin D.S. Archeology. Methods of archaeological research. Classical Archaeology: stud. Manual: Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov. Vladimir: Publishing House of VISU, 2016. 96 p. (In Russ.).
5. Gemuev I.N., Molodin V.I., Sagalaev A.M. Ancient bronze in the Mansi ritual // Problems of reconstructions in ethnography: (collection of scientific articles). No.vosibirsk. 1984. P. 62–80. (In Russ.).
6. Derevyanko A.P. The Early Iron Age of the Amur region. No.vosibirsk: Nauka, 1973. 356 p. (In Russ.).
7. Zvidennaya O.O., Latushko Yu.V. Ethnocultural landscape R. Bikin – from the time of V.K. Arsenyev to the present day // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography FEB RAS. 2023. No. 40. P. 31–44. (In Russ.).
8. Zuev V.F. Village Condon – land of legends and legends. Komsomolsk-on-Amur: Agora, 2016. 390 p. (In Russ.).
9. History of the Amur region from ancient times to the beginning of the twentieth century / Edited by A.P. Derevyanko, A.P. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, 2008. 424 p. (In Russ.).
10. History and culture of the Udege people / L.Y. Ivashchenko, V.V. Podmaskin, A.F. Startsev, etc.; Academy of Sciences of the USSR, Far East. Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. L.: Nauka: Leningr. department, 1989. 186 p. (In Russ.).
11. Latushko Yu.V., Samar A.P., Belaya E.G., Levchenko A.V. Historical and cultural landscapes of the Amur in modern Nanai culture (based on the materials of a field study in 2019) // Ojkumena. Regional researches. 2019. No. 4. P. 106–121. (In Russ.).
12. Lomonosov and academic expeditions of the XVIII century / Authors-compilers: O.A. Alexandrovskaya, V.A. Shirokova, O.S. Romanova, N.A. Ozerova, Moscow: Publishing house "RTSoft", 2011. 271 p. (In Russ.).

13. Medvedev V.E., Filatova I.V. Ceramics of the Neolithic period of the Amur region (ornamental aspect). No.vosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2014. 168 p. (In Russ.).
14. Murashko O.A., Krenke N.A. Culture of the aborigines of the Obdorsky No.rth in the XIX century (according to the archaeological collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University). Moscow: Nauka, 2001. 155 p. (In Russ.).
15. Our museum // MBOU OOSH S. Ommi. URL: <https://ommis.edusite.ru/p8aa1.html> (accessed 16.10.2023) (In Russ.).
16. General list of newly identified archaeological monuments of the Khabarovsk Territory. URL: <https://textarchive.ru/c-2693114.html> (accessed 16.10.2023) (In Russ.).
17. Okladnikov A.P. The ancient settlement of Condon (Amur region). No.vosibirsk: Nauka. 1983. 159 p. (In Russ.).
18. Ponkratova I.Y. The Stone Age of the Kamchatka Peninsula: Diss. ... doctor of Historical Sciences. Spec. 5.6.3. Magadan, 2022. Vol.1. 243 p. (In Russ.).
19. The list of identified objects of cultural heritage located on the territory of the Magadan region. URL: https://www.49gov.ru/common/upload/1/editor/file/PERECHEN_VYYAVLENNYKH09.12.2021.pdf?ysclid=lnsf3xqb6549290846 (accessed 10.16.2023) (In Russ.).
20. List of identified objects of archaeological heritage located on the territory of the Sakhalin region. URL: https://okn.sakhalin.gov.ru/site_get_file/4759/ (accessed 10.16.2023) (In Russ.).
21. Plets G., Soenov V.I., Konstantinov N.A., Robinson E. The international significance of the "Ukok Princess" (is Russian archaeology ready for dialogue with indigenous peoples? // Antiquities of Siberia and Central Asia. 2014. No. 7 (19). P. 17–45. (In Russ.).
22. Samashev Z., Bazarbayeva G., Dzhumabekova G., Sungatai S. Berel-Berel. Album. Almaty, 2000. 50 p. (In Russ.).
23. Shevkomud I.Ya. Late Neolithic of the Lower Amur. Vladivostok: FEB RAS, 2004. 156 p. (In Russ.).
24. Shnirelman V.A. Archeology, historical heritage, and problems of ethics // Siberian Historical Research. 2020. No. 1. P. 97–122. (In Russ.).
25. Shubina O.A. Archeology in the Sakhalin Regional Museum of Local Lore: pages of history (to the 125th anniversary of museum business in the Sakhalin region) // Bulletin of the Sakhalin Museum. 2022. No. 3(40). P. 192–230. (In Russ.).
26. Shultz L. Salym Ostyaks (from materials for the ethnography of the southern Ostyaks) // Zap. Tyumen Region scientific study of the local region. Tyumen: Gostypografiya. 1924. Issue 1. P. 166–200. (In Russ.).
27. Berezniysky S.V. Forest problems in today's culture of the Khor Udeghe // Russia County Report. IGES Forest Conservation Project / Japan, Yokohama: Published by Institute for Global Environmental Strategies / ed. By. H. Kakizawa. January 2004. P. 121. (In Russ.).
28. Historic resources act. RSY. 2002. P. 109. URL: <https://laws.yukon.ca/cms/images/LEGISLATION/PRINCIPAL/2002-0109/2002-0109.pdf> (accessed 16.10.2023).
29. Native American Graves Protection and Repatriation Act. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg3048.pdf> (accessed 16.10.2023).
30. The Vermillion Accord on Human Remains // World Archaeological Congress. URL: <https://worldarch.org/code-of-ethics/> (accessed 16.10.2023).
31. Zimmerman L.J. Epilogue: A New and Different Archaeology? // American Indian Quarterly. 1996. No. 20. P. 297–307.

Информация об авторах

Юрий Викторович Латушко, канд. ист. наук, руководитель лаборатории антропологии Северной Пацифики Института истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: latushko@ihaefe.ru

Анна Ильинична Панкина, младший научный сотрудник лаборатории антропологии Северной Пацифики Института истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: pankina1995b@mail.ru

Information about the authors

Yuri V. Latushko, Candidate of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Anthropology of the Northern Pacific, Institute of History, Archeology, Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: latushko@ihaefe.ru

Anna I. Pankina, Junior Researcher, Laboratory of Anthropology of the Northern Pacific, Institute of History, Archeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: pankina1995b@mail.ru